

РАИСА
ФУФАЙКИНА

Опять
отказ?
... ☹

Иногда
стоит
просто
написать
счастливую
историю
♡

Любовь
в большом городе

Случайная встреча

Однажды ты...

Женечка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Раиса Фуфайкина
Женечка

«Автор»

2026

Фуфайкина Р.

Женечка / Р. Фуфайкина — «Автор», 2026

Он — гроза всего холдинга. Она — его любимая мишень. Он ещё не знает, что его главный кошмар и его главная любовь — один и тот же человек. Вадим Петрович Смирнов — безупречный юрист с тяжёлым взглядом и ядовитыми правками. Каждый её проект он разносит так, что хочется уволиться. Каждое утро она вжимается в угол лифта и мечтает стать невидимкой. А вечером Наташа снимает офисную маску. В эти часы она пишет горячие любовные романы, где её героини не опускают глаз, не извиняются и не боятся дерзких мужчин. Писательство — единственное место, где она может дышать. Она и не подозревает, что её самый преданный читатель работает этажом выше. А он не подозревает, что та самая «растяпа» из проектного, которой он уже второй год портит жизнь, — гораздо ближе к его любимым книгам, чем он может себе представить. Офисная война. Тайная одержимость чужими романами. И два человека, которые ещё не знают, насколько сильно их жизни уже переплелись.

© Фуфайкина Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Он и она	5
Глава 2. Обычное утро	7
Глава 3. День рождения Виктора	9
Глава 4. Роман за одну ночь	12
Глава 5. Отставной военный и новые иллюзии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Женечка

Глава 1. Он и она

Вадим Петрович Смирнов обладал той редкой, наводящей тоску безупречностью, которая заставляет людей в коридорах невольно выпрямлять спину и судорожно вспоминать, все ли запятые стоят в последних отчётах. В свои сорок он выглядел как оживший рекламный проспект элитной недвижимости: высокий, темноволосый, с резкими чертами лица и взглядом человека, который никогда в жизни не опаздывал на поезд.

Возглавляя юридический департамент холдинга, он был единственным персонажем в офисе, перед которым пасовал даже генеральный. Генеральный директор мог лишить премии. Вадим Петрович мог отклонить проектный документ с таким развёрнутым, ядовито-вежливым юридическим анализом, что автор отчёта ещё недели три боялся подходить к ноутбуку. Смирнов свято веровал в рабочую дисциплину: ослабишь хватку и сотрудники тут же сядут на шею и свесят ноги. Прямым начальником для проектного отдела он не был, но через его визу проходили абсолютно всё — от обычных типовых доп.соглашений до крупных сделок со сложным и объёмным пакетом документации. А значит, так или иначе, спотыкались о него все. И старались делать это как можно реже.

Наталя была менеджером проектов. Тридцать пять лет, развод за плечами, шестилетняя дочь Соня и перманентная лёгкая усталость во взгляде. Внешне, миловидная, слегка полная, брюнетка с голубыми глазами, которая привыкла не мозолить глаза руководству, здороваться вполголоса и на автоматизме уступать дорогу в лифте.

И Наташа искренне, до зубовного скрипа, ненавидела Вадима Петровича.

Её тошнило от его холодного баритона на совещаниях, от его комментариев в корпоративной системе (*«Наталя, пункт 4.2 выглядит как отчаянная попытка выдать желаемое за действительное, переделайте»*) и от его привычки заворачивать документы из-за одной некорректной формулировки. Проходя мимо его кабинета с тонированными стёклами, она инстинктивно сбавляла шаг, а если судьба заталкивала их в один лифт, мгновенно вжималась в дальний угол, усердно изучая узор на полу.

Это была ее дневная, офисная жизнь. Жизнь виноватой и вечно недорабатывающей сотрудницы.

Но вечером, когда Соня засыпала, а мама уходила на кухню довязывать очередную пару носок, Наташа открывала ноутбук. И днём забитая менеджер превращалась в Евгению Садовскую, автора популярных любовных романов. Её героини не опускали глаз перед дерзкими мужчинами, не лепетали извинений и не забивались в углы лифтов. Они жгли мосты, любили до разрыва аорты и выходили победительницами из любых жизненных передраг. Писательство стало для Наташи единственным местом, где можно было дышать полной грудью и не бояться чужих резолюций.

Она и понятия не имела, что её самый верный поклонник работает этажом выше.

У Вадима Петровича имелся секрет, за разглашение которого он, вероятно, засудил бы весь холдинг. Каждый вечер, возвращаясь в свою шикарную холостяцкую квартиру, он наливал бокал вина и открывал на планшете очередную книгу Евгении Садовской. Никто в офисе не мог бы вообразить, что этот сухой железный юрист зачитывается историями о страсти и предательстве. Но книги Садовской попадали ему в самый нерв: там, за красивым слогом, была настоящая, живая надежда. Влюбленный в неизвестную писательницу уже два года, Вадим безуспешно пытался выбить её контакты через издательство, но Садовская сохраняла анонимность.

Он дотошно доводил Наташу в офисе, даже не подозревая, что держит в руках отчёты той самой «Женечки», чьи романы печатал за свой счёт в типографии и бережно расставлял на полках.

Остальной коллектив проектного отдела жил своей обычной живой суетой:

Варвара, двадцати девяти лет, была подругой Наташи и полнейшей её противоположностью. Заводная, громкая, с острым языком, Варя успевала флиртовать с половиной компании. Она периодически строила глазки и Вадиму Петровичу, но тот лишь сухо кивал в ответ. Правда, цеплялся к её документам он ощутимо меньше — то ли Варя меньше косячила, то ли её непробиваемый оптимизм действовал на юриста как нейтрализатор.

Дизайнер Витя — тридцати трёх лет, заядлый тусовщик и холостяк, относился к Наташе с той свойской, немного покровительственной нежностью, с какой относятся к старшим сестрам. Постоянно подкалывал её, делился сплетнями и мог запросто потрепать по макушке. Наташа думала, что немного в него влюблена, но тщательно прятала это чувство даже от самой себя.

Все они работали в привычном гибридном графике, два дня в офисе, три из дома. И история, которой предстояло перевернуть этот размеренный рабочий хаос, началась в самый обычный вторник.

Глава 2. Обычное утро

Наташа любила приходить в офис первой. Но не из трудоголизма, а скорее из чувства самосохранения. Когда вокруг тишина, можно без суеты разложить вещи, налить кофе и психологически подготовиться к началу рабочего дня.

Она села за стол, запустила систему и замерла.

Первым же письмом в почте висело уведомление.

От: В.П. Смирнов.

Тема: Отказ в согласовании проектной документации.

Наташа на секунду зажмурилась. Физически не хотелось открывать. Но она кликнула по теме.

На экране развернулся педантичный, разложенный по пунктам до последней запятой комментарий. Вадим Петрович, как обычно, с математической точностью выпотрошил каждый риск, каждую формулировку, которую Наташа выверяла накануне. И резюмировал сухим: «*Прошу доработать и направить повторно*».

Наташу забило мелкой дрожью.

В этот момент рядом зашуршал пакет, и на стол с глухим стуком опустился стаканчик с кофе. Варя, наклонив голову, критически оценила выражение лица подруги.

— Так, — с ходу заявила она. — Твой любимый инквизитор снова прислал пламенный привет?

Наташа медленно подняла взгляд. В её глазах читалась такая концентрированная злоба, что привыкшая к её бессильным вздохам Варя даже шаг назад сделала.

— Варя, — тихо, но с ядом произнесла Наташа. — Он не инквизитор. Он просто клинический псих. Ты посмотри, что этот человек пишет!

Она с силой ткнула пальцем в монитор — с таким видом, будто надеялась пробить экран и задеть самого Смирнова.

— Дотошный, мать его, деспот! У меня зубы сводит!

— Натусь, тише, — Варя похлопала её по плечу. — Ну делает человек свою работу, чего ты.

— Его работа — превращать мою жизнь в ад! — выдохнула Наташа, нервно отхлебнув кофе. — Вот объясни мне: человек зарабатывает как небольшой филиал банка, у него всё отлично. Зачем ему каждый день с утра пораньше выписывать мне трактаты на три страницы? Он серьёзно верит, что я однажды проснусь и превращусь в безупречный калькулятор?

— Может, и верит, — пожала плечами Варя. — Или ему процесс нравится.

— Какой процесс?

— Ну... доводить тебя.

Наташа ядовито фыркнула:

— Ага, Мефистофель местного разлива. Он меня искренне ненавидит.

— А ты его?

— Ещё бы!

Варя хитро прищурилась:

— Ну вот, значит, у вас полная гармония и взаимность.

— Варя, если бы моя ненависть материализовалась, его кабинет уже сторел бы дотла вместе с его кожаным креслом.

Наташа не выдержала и прыснула, впервые за утро немного расслабив плечи.

— Ладно, — вздохнула она, отставляя кофе. — Пойду переписывать этот бред. Надо отправить до обеда, пока Вадим Петрович опять не устроил мне показательную порку на общем статусе.

— Держись, боец, — подмигнула Варя и уплыла к своему месту.

Наташа снова уткнулась в монитор. Дрожь ушла, уступив место злой, собранной сосредоточенности.

А этажом выше Вадим Петрович сидел за дубовым столом, спокойно потягивал свежесваренный эспрессо и просматривал почту. Отправленный Наташе отказ был для него обычным рабочим эпизодом — таким же естественным, как по утрам просматривать свежие изменения в законодательстве. Он не знал, что за последние полчаса Наташа мысленно предала его анафеме раза четыре.

Он не знал, что вечером в новом романе Евгении Садовской появится персонаж — высокий, с тёмными волосами, ледяным взглядом и безупречным галстуком, который своим занудством доведёт героиню до того, что она в отместку «случайно» обольет краской его любимый свитер.

Смирнов понятия не имел, что этот герой — он сам.

Зато Наташа знала точно. И пальцы уже чесались дописать эту сцену.

Глава 3. День рождения Виктора

Прошло несколько дней, и офисная рутина снова затянула Наташу в свой беспощадный водоворот. Вадим Петрович отклонил ещё два её документа, один из-за «недостаточно детального анализа рисков», второй из-за «неточной формулировки в пункте 6.3». Наташа уже не скрипела зубами. Она просто молча открывала файл, прочитывала приговор и начинала перedelывать.

Варя периодически приносила ей кофе и сочувственно вздыхала:

— Может, ты ему просто чисто человечески не нравишься?

— Спасибо, Варя, твоя поддержка бесценна, — бурчала Наташа.

— Ну я серьезно! Вдруг у него на тебя психосоматическая аллергия? Или ты, не знаю, пахнешь как его бывшая?

— Варя, замолчи.

— Молчу-молчу. Но ты подумай.

Наташа думала. Но не про запахи, а про то, как бы стать для Смирнова абсолютно прозрачной. Чтобы его ледяной взгляд скользил мимо, а комментарии сократились хотя бы до пары строк.

В пятницу, когда все мыслями уже были на выходных, Витя во всеуслышание объявил о своём дне рождения:

— Через неделю, в субботу! — зажигал он посреди опенспейса, активно жестикулируя.

— Всех жду в клубе «Неон». Будет громко, весело и очень алкогольно!

Варя тут же оказалась рядом:

— Витюша, а кто будет?

— Да все! Друзья, коллеги, случайные красивые прохожие. Короче, масштабный движ.

— Подруг взять можно?

— Варвара, тебе всегда всё можно. Ты же настроение вечеринки!

Варя довольная вернулась за стол. Наташа замерла. Клубы она недолюбливала, слишком шумно, тесно и чужой хаос вокруг. Но тут Витя подошёл прямо к ней:

— Натаха, ты же будешь?

— Не знаю, Вить... Я не очень по таким заведениям.

— Да брось! Повеселимся. Я тебя лично зову.

Наташа посмотрела на него. Витя улыбался той самой мальчишеской, открытой улыбкой с ямочками на щеках, от которой у неё слабели колени. В свои тридцать три он был полнейшей противоположностью сорокалетнему Смирнову: лёгкий, беспечный, свободный от корпоративной тяжести.

— Ладно, — выдохнула Наташа. — Приду.

— Ес! — Витя свойски хлопнул её по плечу. — Приходи красивой. Хочу гордиться своими девочками!

— А я, значит, некрасивая? — шутливо надула губы Варя.

— Варь, ты шикарная. Но Натаха у нас сегодня... с особым шармом.

Наташа густо покраснела. Витя подмигнул и ушёл созывать остальной народ.

— Так, — Варя тут же нависла над её столом. — Включаем режим военной подготовки.

— К чему?

— К завоеванию именинника! Ты же хочешь, чтобы он наконец увидел в тебе не просто подругу?

— Я... ну... — замялась Наташа.

— Натусь, не крути. Ты на него смотришь, как кот на сметану. Нужна артиллерия. Мы идём за платьем.

Всю неделю Наташа жила в непривычном предвкушении. Взяла глубокого синего цвета платье, идеально подчёркивавшее талию и изгибы. Записалась к мастеру на укладку — тёмные волосы легли мягкими блестящими волнами. Сделала аккуратный макияж, выделить глаза.

В субботу вечером, стоя перед зеркалом, она сама себе удивилась.

— Мам, ну как? — спросила она, выходя в коридор.

Валентина Ивановна замерла с вязанием в руках:

— Ох, Наташа... Красавица какая! Сонечка, глянь на маму!

Шестилетняя Соня оторвалась от альбома и серьезно выдала:

— Мама, ты как королева из сказки.

— Спасибо, моя радость, — Наташа присела и поцеловала дочь. — Слушайся бабушку, я поздно буду.

— Только без фанатизма с коктейлями, — напутствовала мама.

— Мам!

— Я просто на всякий случай.

Клуб «Неон» оглушил басами, цветом и толпой. Витя встречал гостей у входа. Увидев Наташу, он выразительно присвистнул:

— Ничего себе! Натаха, ты просто огонь!

— Спасибо, Вить, — она смущённо улыбнулась.

— Пойдём, познакомлю со своими!

Он взял её за руку и повёл сквозь громкую толпу. Наташа старалась улыбаться, пила безалкогольный сок и кивала друзьям Вити, дизайнерам, тусовщикам, фотографам. Все они были молодыми, беззаботными и громкими. Наташа чувствовала себя среди них чужой.

Варя приехала через полчаса — в дерзком блестящем мини, с азартом в глазах и отличным настроением. Она мгновенно растворилась в компании, закружившись в центре внимания.

А потом Наташа увидела, как Витя смотрит на Варю.

Это не был его обычный дружеский или кокетливый взгляд. Он смотрел на Варю так, словно только что разглядел её по-настоящему. Варя смеялась, откидывая волосы, а Витя не сводил с неё глаз.

В груди у Наташи всё сжалось. «*Показалось. Простой флирт*», — попыталась убедить себя она.

Но тут Витя взял Варю за руку и увёл на танцпол. Они танцевали близко, почти вплотную. Витя склонялся к её уху, Варя смеялась и клала руку ему на плечо. В его глазах было всё то, чего Наташа так ждала для себя.

Всё стало предельно ясно.

Горькая тоска подступила к горлу. Наташа сидела за столиком, сжимая стакан с соком, и понимала: для Вити она всегда останется «Натахой» — понятной, удобной, вроде старшей сестры или доброй мамочки. А Варя — яркая, легкая, без бэкграунда и проблем, она была той, с кем хочется уйти в ночь.

Витя всё же вспомнил про неё, подбежал, хмельной, с горящими глазами:

— Натаха! Чего сидишь? Погнали на танцпол!

— Вить, я немного устала...

— Да брось, один танец!

Он потянул её за собой. Наташа встала. Они двигались в ритме музыки, Витя приобнял её за талию:

— Ты сегодня очень красивая, — шепнул он. — Правда.

— Спасибо, Вить.

— Ты классная, Натусь. Добрая такая. Я тебя обожаю, — он улыбнулся и поцеловал её в макушку. — Как родную.

Как родную.

Слово ударило точно в цель. Наташа мягко, но решительно отстранилась:

— Вить, я отлучусь в дамскую комнату.

— Давай, жду!

Но назад она не вернулась. Забрала сумочку из гардероба, выхватила Варю взглядом из толпы и шепнула ей:

— Варь, у меня голова разболелась. Я домой.

— Натусь, ты чего? Давай провожу!

— Не надо, я вызвала такси. Веселись!

На улице дул прохладный ветер. Наташа села на заднее сиденье машины и только тогда дала волю слезам. Таксист тактично молчал, глядя на дорогу.

Она плакала не только из-за Вити. Она плакала о своих тридцати пяти годах, о разводе, о вечной усталости, о том, что научилась писать про всепоглощающую страсть, но сама оставалась абсолютно невидимой для мужчин. «*Хватит*», — думала она, вытирая слёзы. — «*Пора повзрослеть и прекратить строить иллюзии*».

Дома она тихо смыла макияж, укрылась одеялом и уткнулась в подушку.

В понедельник в офисе Варя прибежала к её столу с виноватыми глазами:

— Натусик, прости, не проводила тебя тогда... Ты как?

— Всё хорошо, Варь. Ты нормально догуляла?

— Ой, да... А Витька... он такой был... — Варя осеклась, залившись румянцем.

Наташа увидела в её глазах тот же блеск, что был у Вити в клубе.

— Варь, — тихо и искренне произнесла Наташа. — Ты ему очень нравишься. Всё в порядке. Правда.

Варя осторожно сжала её ладонь:

— Спасибо, Натусь. Ты лучший человек.

Наташа улыбнулась, повернулась к монитору и открыла почту. Входящие. Новое письмо.

От: В.П. Смирнов.

Тема: Отказ в согласовании...

Наташа сглотнула подступивший ком и горько ухмыльнулась. Что ж. По крайней мере, в этой жизни есть хоть какая-то стабильность.

Глава 4. Роман за одну ночь

Прошла неделя после той злополучной вечеринки.

Наташа старательно изображала привычную жизнь: варила утренний кофе, везла Соню в садик, покорно отбывала часы в офисе. Дома ее ждал тихий быт, но внутри она ощущала себя глубоко несчастной.

Она работала на автопилоте. Открывала файлы, вычитывала ядовитые замечания Смирнова, исправляла, отправляла обратно и тут же получала новые. Бесконечный замкнутый круг.

А Варя с Витей тем временем не расставались. В офис — вместе, на обед — вместе, вечером, рука об руку. Варя просто светила изнутри, да и Витя выглядел абсолютно довольным жизнью. Наташа наблюдала это ежедневно. Было больно, но зла она не держала, ни на подругу, ни на него. Наташа злилась только на себя: за глупую надежду, за напрасно купленное синее платье и отчаянное желание стать видимой.

«Дура», — привычно резала она себя по ночам. — *«Какая же наивная дура».*

Во вторник после обеда Варя примялась к её столу с дико виноватым видом.

— Натусь, поговорить надо...

— Давай, — Наташа отложила ручку.

Варя присела на край стола, судорожно крутя в руках пустой стаканчик:

— Слушай... Ты меня, наверное, возненавидишь, но... Я по Витьке просто с ума схожу. Сил моих нет.

У Наташи на секунду перехватило дыхание, но она переборола горловую судорогу и спокойно кивнула:

— Я всё поняла, Варь.

— Правда? — Варя с надеждой взглядела в её лицо. — Ты точно не в обиде?

Наташа посмотрела на подругу, на её горящие глаза, нежный румянец, на это искреннее, незаслуженное счастье. Они слишком многое прошли вместе: заваленные дедлайны, тяжёлые разводы, детские болезни.

— Варь, — тихо и мягко произнесла Наташа. — Я люблю тебя. И ненавидеть буду в самую последнюю очередь.

Варя с чувством порывисто обняла её:

— Натусик, спасибо! Я так мандражировала!

— Так, отставить сантименты, — Наташа похлопала её по спине. — Выкладывай, что там у вас.

— Он позвал меня на свидание! В пятницу! На Патрики! — затараторила Варя, соскакивая со стола. — Говорит, хочет культурную программу устроить. Как будто я бескультурная!

— Иди уже, «культурная», готовься, — улыбнулась Наташа.

— Всё, ушла! Ты лучшая! — Варя умчалась к себе и через секунду уже шёпотом обсуждала по телефону наряд.

Наташа вернулась к монитору. Буквы расплывались. *«Ну вот и всё. У них история только начинается. А я остаюсь в своём зрительном зале».*

Вечер прошёл в тумане. Наташа механически вносила правки, кивала на совещаниях, а к концу дня чувствовала себя совершенно вымотанной. Отказавшись от предложения Вари подвезти её, она вызвала такси и поехала домой.

Дома было как всегда -- тихо и мирно. Соня лепила из пластилина, а Валентина Ивановна заваривала чай. Наташа, придя домой, наглухо закрыла дверь в свою комнату. Присела на край кровати и тихо заплакала в подушку.

Ей было тридцать пять. В анамнезе — развод, ребёнок, полные бёдра и бесконечная усталость. Никто не смотрел на неё так, как Витя на Варю. Никто не приглашал её на Патрики, пытаясь произвести впечатление.

Из-за стены донеслись шаги. Валентина Ивановна тихонько постучала:

— Наташ, ты как там?

— Нормально, мам.

— Может перекусишь?

— Не хочу, мам. Я просто устала.

За дверью ненадолго воцарилась тишина. А потом мама позвала внучку:

— Сонечка, собирайся, мы с тобой в библиотеку на вечер поэзииходим. Попьём там чаю, стихи послушаем, а маме надо побыть одной и отдохнуть.

— Бабуль, а мама плачет?

— Мама просто очень устала, солнышко. Пойдём.

Хлопнула входная дверь. Квартира погрузилась в тишину.

Наташа плакала ещё долго. Потом поднялась, умылась ледяной водой и взглянула в зеркало: опухшие веки, красный нос, растрёпанная чёлка.

«И что дальше?» — спросила она у своего отражения.

Ответ пришёл мгновенно. Она подошла к столу, подняла крышку ноутбука и открыла пустой документ.

Пальцы выбивали по клавишам сумасшедшую дробь. Наташа писала о героине, чьё сердце разбили. О боли, о чувстве собственной невидимости и ненужности. А потом — о встрече с другим мужчиной. Но не с таким лёгким и весёлым обаяшкой или с холодным, жёстким, требовательным педантом, который ежедневно выматывает её упрёками и которого она всей душой ненавидит. А с добрым, ласковым, заботливым — тем, кто так же, как и героиня, был ранен, почти убит, но смог подняться и снова полюбить.

Героиня получалась очень характерной. В какой-то момент Наташа поймала себя на мысли, что описывает собственную никчёмность слишком уж досконально и уничижительно. Но именно так она сейчас себя и чувствовала. Конечно, это было всё под действием эмоций: не так уж плоха Наташина жизнь, но исправлять текст она уже не хотела. Героиня должна упасть и лежать на самом дне, чтобы потом и награду получить за свои страдания самую лучшую. В этот момент слёзы потекли из Наташиных глаз ещё сильнее. Она вытерла их об рукав кофты и продолжила.

Наташа писала всю ночь, не замечая времени, затекшей спины и заварившегося на столе травяного чая.

К шести утра на экране висело двести страниц плотного текста. Она откинулась на кресло, перечитала первую главу и горько ухмыльнулась: «*Ну и страсти ты понаписала, Садовская*».

Файл ушёл в издательство. Наташа рухнула на кровать и мгновенно отключилась.

Утром Наташа села на кровати. Внутри было такое облегчение. Она выплеснула всю свою боль на бумагу.

«Ничего. Переживём», — сказала она себе в зеркале ванны.

Этажом выше в своём кабинете Вадим Петрович Смирнов в сотый раз вычитывал её последний проект.

Он видел, как она вжимается в стенку лифта при его появлении. Как опускает глаза. Как лепечет извинения и вздрагивает от его тона на совещаниях. Смирнов был свято уверен, что она его просто боится.

И это его откровенно раздражало. Не потому, что он искал её расположения, а потому, что считал Наталью отличным, глубоким специалистом. Но в юридических вопросах она периодически плыла. И каждый раз, заворачивая её отчёт, Смирнов вовсе не издевался — он бук-

важно спасал её от персональной ответственности за риски, которые через полгода могли привести к судебным искам и её громкому увольнению.

Он хотел научить её дерзости и классной вьедливости. Но действовал так, как умел: жёстко, суровым разбором ошибок. Так учили его. Руководитель обязан держать дистанцию, иначе дисциплина рассыплется.

К тому же он искренне считал, что на Наталью дурно влияет её окружение, в частности, эта трещотка Варя, которая только и делает, что строит глазки половине холдинга. Вадим был убеждён: останься Наталья без этих бессмысленных чаепитий, из неё вырос бы идеальный, собранный профи.

Он понятия не имел, что в проектном отделе его зовут «клиническим психом» и «сади-стом».

Смирнов снова открыл её файл. Раздел о бюджетировании был прописан безупречно. Логично, строго, цифра к цифре.

Вадим на секунду замер над клавиатурой. Ему впервые захотелось напечатать: *«Наталья, блок бюджетирования выполнен идеально. Спасибо»*.

Но пальцы зависли. Это выглядело бы неуместно, нарушило бы рабочий субординированный баланс. Он сухо хвалил её лишь раз, полгода назад перед генеральным, да и то в своей обычной безучастной манере.

Смирнов вздохнул, нажал было «Согласовать»... а потом заметил мелкую, некритичную опечатку в дате в приложении.

Поморщился. Отклонил. Написал короткий сухопарый комментарий.

«Пусть переделает, — подумал он. — Идеально должно быть всё».

Он искренне верил, что учит её мастерству. Со стороны же это выглядело как изошрённая, законченная тирания.

В понедельник в 8:47 утра Наташа открыла почту.

От: В.П. Смирнов.

Тема: Отказ в согласовании. Пункт 7.1: некорректная ссылка на нормативный акт. Прошу доработать...

Наташа замерла, глядя на время отправки. Понедельник. Утро. Этот человек явно приехал в офис раньше всех с единственной целью — нагадить ей в душу со сранья.

«Полтора года», — подумала она, ощущая, как внутри закипает бешенная ярость. — «Полтора года безнадёги. Ни единого человеческого слова. Ни одного спасибо».

Если бы не ипотека, Сонин садик и мамина пенсия — она бы бросила этот пропуск ему в лицо прямо сейчас. Без раздумий.

Она стиснула зубы, за три минуты переписала ссылку в пункте 7.1 и с силой вбила клавишу «Отправить».

Смирнов согласовал документ через сорок минут. Без единого комментария.

Но Наташа этого уже не оценила. Она уткнулась в блокнот, набрасывая сцену, где холодного, бескомпромиссного юриста наконец-то макают лицом в его собственное безупречное дерьмо.

Глава 5. Отставной военный и новые иллюзии

Прошёл месяц.

Наташа ходила на работу как на отбывание наказания. Схема до автоматизма выверилась и намозолила глаза: открыть ноутбук, прочесть очередной разнос Вадима Петровича, переделать, отправить, получить порцию новых правок. Круг замкнулся.

А Варя с Витей продолжали транслировать в массы свою счастливую историю. Они вместе заходили в офис, вместе обедали, вместе сворачивали рабочий день. Варя просто светилась, Витя выглядел вполне довольным жизнью. Наташа наблюдала этот дуэт ежедневно. Сердце всё ещё отзывалось глухой болью, но ярости внутри не осталось. Ни к подруге, ни к Вите. Только к самой себе — за наивные надежды, синее платье и салонную укладку.

«Ничего, жизнь продолжается, надо ползти дальше», — наставляла она себя каждое утро, разглядывая в зеркале уставшие глаза.

В понедельник, когда Наташа пыталась свести очередной отчёт, в дверях проектного отдела возник новый человек.

Невысокий, плотный, с ежиком седеющих волос и такой выправкой, будто внутри него вставили стальной арматурный стержень. Лет пятидесяти. Тёмный костюм висел на нём слегка мешковато — так сидит строгая одежда на людях, привыкших всю жизнь носить форму. Лицо самое простое, с частыми, оценивающими взглядами маленьких глаз. Обычный, основательно потёртый жизнью мужик.

Наташа бегло скользнула по нему взглядом: *«Обычный дядька»*.

Начальник отдела хлопнул в ладоши:

— Коллеги, внимание! Максим Викторович — наш новый проектный менеджер. В прошлом — военный, недавно ушёл в отставку, успешно переквалифицировался. Прошу любить и жаловать.

Новичок коротко кивнул:

— Рад знакомству. Надеюсь, сработаемся.

Голос оказался хриловатым, фразы он резал отрывисто, точно отдавал приказы.

Начальник повернулся к Наташе:

— Наталья, ты у нас самый опытный сотрудник. Возьмёшь Максима Викторовича под крыло? Введёшь в курс дел, подстрахуешь месяца три.

— Я? Но...

— Справишься, — отрезал шеф. — Ты лучший специалист в отделе.

Наташа смутилась. Максим Викторович уже шагнул к её столу и протянул широкую ладонь с сухой, жесткой кожей. Рукопожатие вышло по-мужски крепким, сухим.

— Наталья, приятно познакомиться, — произнёс он, фиксируя её строгим взглядом. — Надеюсь, не обуза.

— Что вы, буду рада помочь.

Он еще раз оглядел её с ног до головы, словно оценивал личный состав на плацу.

— Человек вы, вижу, собранный. В женщине это главное — дисциплина и порядок. Вид имеете боевой, но женственный. Уважаю.

Наташа едва не поперхнулась. Варя за соседним столом прыснула в кулак.

— Максим Викторович, вы прямо как на строевом смотре! — фыркнула она.

— Говорю то, что вижу, — ровно отозвался тот, даже не повернув головы на Варин голос. — В человеке должен быть порядок. И в делах, и в уме.

В груди у Наташи что-то неуклюже оттаяло. О влюбленности и речи не шло. Но это было внимание. Суховатое, казарменное, но внимание к ней как к женщине с «дисциплиной». После Витино «как родную» даже такие топорные слова легли на душу теплой припаркой.

— Спасибо, — тихо ответила она. — Это неожиданно.

— Констатирую очевидное, — ровно сказал Максим Викторович и прошёл к своему столу, усевшись с идеально прямой спиной.

В обед Варя примчалась с разведкой:

— Натусь, ну и как тебе наш фельдмаршал?

— Нормальный, — Наташа сделала вид, что полностью ушла в документ.

— Нормальный?! Да он же солдафон! Смотрит на тебя как на новобранца перед присягой! «Дисциплина в женщине» — это же дичь!

— Варя, он бывший военный. У них свой лексикон. Зато он вежлив и говорит то, что думает.

— Натусь, ты чуткая, творческая, а он тебя замуштрует!

— Мне тридцать пять, Варь. Мне не нужен сказочный принц. Мне нужен взрослый, адекватный мужчина. Который работает, не гуляет по бабам и умеет отвечать за свои слова. И который заметил меня, а не смотрит сквозь.

— Но ты же его не любишь!

Наташа тяжело вздохнула:

— Я устала чувствовать себя невидимкой, никому неинтересной и ненужной. Устала плакать в подушку. Может, пора перестать ждать сказок и попробовать построить что-то реальное с тем, кому я интересна?

Варя поджала губы, но спорить не стала:

— Ладно. Но смотри, я предупредила.

Наташа решила взяться за себя. Раз новый сотрудник ценит порядок и строгий вид, она приведет себя в форму, а то совсем расквасилась. Записалась в зал, урезала рацион до грудки и зелени, записалась на курс массажа.

Валентина Ивановна, глядя на контейнеры с вареной гречкой, только руками всплеснула:

— Наташа, ты чего удумала?

— Мам, мне тридцать пять. Надобно следить за собой.

— Да у тебя же кто-то появился! — обомлела мама. — Рассказывай!

— Рано еще рассказывать. Просто взялась за себя.

— Ну хоть не пьет? Работает?

— Нормальный он, мам, хватит допросов.

— «Нормальный» — не ответ! Но ладно, гречка так гречка, давай туда хоть маслица положу, — усмехнулась мама.

Наташа не успела увернуться — в её отварную, постную, безвкусную гречку плюхнулся большой кусок сливочного масла.

— Ну, маамм! — чуть не заплакала Наташа.

— Не мамкай! Ты себя доведёшь своими диетами. Организму тоже нужны жиры, — бескомпромиссно заявила Валентина Ивановна.

Наташа не стала спорить, но остальные заготовленные контейнеры убрала подальше.

Через три недели Наташа преобразилась. Осунулось лицо, чётче обозначились скулы, проявилась талия. Она решилась на радикальный шаг — остригла длинные волосы в короткую, графичную, очень стильную стрижку, открывшую шею.

Варя в офисе аж всплеснула руками:

— Натусь! Ну ничего себе! Выглядишь потрясающе! Лет двадцать восемь, не больше.

— Правда?

— Абсолютно! Это всё для нашего отставника?

— Может быть, — улыбнулась Наташа. — Я просто дала себе шанс.

Максим Викторович, завидев ее утром, притормозил на шагу. Его цепкий взгляд прошелся по ней, зафиксировался на открытой шее и точеном силуэте.

— Наталья, — густо протянул он. — Изменились.

— Спасибо.

— Нет, действительно. Выглядите собранно, подтянуто. Стрижка добавляет чёткости. Уважаю такую работу над собой.

— Я сделала это для себя. Чтобы быть увереннее.

— Взрослый, правильный подход, — одобительно кивнул он.

Наташа шла домой, и вечерний город казался ей чуточку добрее. Впервые за долгое время она не думала про Витю, не вздыхала о Варе и даже не вспоминала про токсичного Смирнова.

Она думала о том, что в тридцать пять жизнь не заканчивается. Что она заметна. И что у неё есть полное право попробовать снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.